

Глава 7. Шарики из редьки

Ли Хунъин вернулась с поля и увидела, как Мяо Ин и бабушка сидят рядом, склонившись над корзинкой с рукоделием. Они вдвоём окружили её, и вид у них был на удивление мирный.

Она невольно удивилась: бабушка, которая раньше больше всех недолюбливала Мяо Ина, вдруг смогла так спокойно и дружелюбно с ним разговаривать. Ли Хунъин посмотрела на него сложным, противоречивым взглядом. В первые дни после свадьбы он ведь даже словом с ними перекинуться не хотел — а теперь, после той травмы головы, будто совсем другим человеком стал.

И готовить научился, и к Сяобао стал относиться ласковее, и при бабушке ведёт себя почтительно, по-сыновьи.

Если бы он и дальше был таким... может, тогда и в доме наконец воцарился бы покой?

Ли Хунъин присмотрелась внимательнее: Мяо Ин на солнце выглядел по-настоящему красивым. С таким лицом разве может человек тихо осесть в деревне и жить обычной жизнью? Она тут же покачала головой: нельзя поддаваться внешности. Он просто старается, чтобы семья кормила его и лечила, это не от чистого сердца.

Мяо Ин нарисовал в бабушкиной корзинке для шитья множество узоров — таких, каких она раньше никогда не видела: живых котов, простодушных собак, упитанных уток и ещё какие-то вещи, которым она даже названия подобрать не могла.

Ли Хунъин отложила свои дела и тоже подошла посмотреть. Хо Сяобао потянул её за руку и показал на рисунки на земле:

— Мам, смотри, невестка котика нарисовала!

Мяо Ин, услышав это, поднял голову и улыбнулся Ли Хунъин:

— Мама, мы с бабушкой узоры рисуем. Посмотрите.

Ли Хунъин увидела все эти рисунки и в тот же миг сама почувствовала, до чего они милые.

Она ещё ничего не сказала, как Мяо Ин продолжил:

— Нужно всё это вышить, а потом я схожу к хозяину лавки и договорюсь о цене. Гарантирую, такие платки будут продаваться лучше прежних.

Ли Хунъин посмотрела на него: по лицу было не похоже, что он притворяется, но в душе она всё же гадала — нет ли тут какого-нибудь подвоха.

Мяо Ин поспешно замотал головой:

— Честно, у меня нет никаких дурных мыслей. Раньше я столько ошибок наделал, а вы всё равно не затаили зла и позволили мне лечиться дома. Я просто хочу хоть немного возместить прежние убытки.

Ли Хунъин приподняла брови, ничего не ответив. Возможно, она решила, что такие платки и правда могут принести деньги, поэтому тут же вымыла руки и тоже взялась за вышивку.

Мяо Ин только и видел, как их пальцы мелькают, словно крылья. Контурные узоры возникали

один за другим. Ему даже казалось, что работают они быстрее любой машины.

Особенно бабушка: волосы у неё уже совсем поседели, но движения были не хуже, чем у Ли Хуньин. В её глазах не было той мутности, что обычно бывает у старух, — взгляд оставался ясным и чистым. Наверное, поэтому она и в таком возрасте всё ещё могла вышивать.

Когда они обе занялись платками, Мяо Ин перестал вырисовывать новые узоры. Между тем наступил полдень, а они так увлеклись работой, что, кажется, совсем забыли о готовке. Тогда Мяо Ин взял Хо Сяобао и пошёл с ним в огород, чтобы набрать овощей к обеду.

Сяобао отлично знал где какие грядки: едва добежав до огорода, он тут же принялся выдёргивать редьку.

Они вернулись домой с двумя корнеплодами. Заглянув на кухню и увидев, как мало там приправ, Мяо Ин тихо вздохнул. И правда, нельзя было винить Ли Хуньин в том, что еда у неё выходит невкусной: когда почти нечего использовать, откуда взяться хорошему вкусу?

К вчерашнему куриному мясу он не стал прикасаться. Он вымыл редьку, нарезал её тонкой соломкой, с разрешения Ли Хуньин разбил одно яйцо, всыпал горсть муки и решил сделать шарики из редьки. Но юноша вдруг вспомнил, что масла здесь нет вовсе — жарить их негде. Пришлось переложить шарики в пароварку и медленно готовить на пару.

Но шарики, приготовленные на пару, сами по себе были бы почти безвкусными. Чтобы хоть немного улучшить их вкус, нужны приправы, а на кухне, кроме щепотки крупной соли да капли соевого соуса, не было ровным счётом ничего. Мяо Ин вздохнул, оставалось только смириться.

Он приготовил на пару с десятков шариков из редьки, а ещё сварил суп из квашеных овощей. Лишь закончив готовку, он позвал всех к столу.

Только тут Ли Хуньин опомнилась, что уже давно перевалило за полдень. Увидев накрытую еду, она на мгновение растерялась:

— А зачем ты тогда брал яйцо?

— Сделал речечные шарики. Правда, может, они не очень вкусные, — Мяо Ин улыбнулся. — Вы с бабушкой попробуйте.

Вскоре поднялась и бабушка. Четверо сели вокруг маленького стола: на нём лежали те самые десять с лишним шариков, а перед каждым стояла миска кислого супа. С виду получился вполне приличный обед.

Бабушка первой попробовала шарик. Вкус был лёгкий, с нежным ароматом редьки, с примесью яйца и грубоватой текстурой цельнозерновой муки. Конечно, это нельзя было назвать изысканным блюдом, но для них всё получилось на удивление вкусным.

Шарики вышли мягкими, как раз по зубам бабушке, а в сочетании с кислым супом они отлично сочетались с рисом — редкая удача.

Очень скоро на столе почти ничего не осталось. Хо Сяобао, послушный и неприхотливый ребёнок, ел шарики из редьки с большим аппетитом. Доев свою порцию, он с надеждой посмотрел на Мяо Ина и спросил, можно ли будет приготовить их и в другой раз. Мяо Ин ответил, что, конечно, можно.

Они уже собирались убирать всё со стола, как из комнаты, покачиваясь, вышел Хо Сан. Только тогда Мяо Ин вспомнил, что в доме есть ещё и такой человек.

Он уже протрезвел и не помнил, что Хо Син его оглушил, решив, будто просто неудачно спал и потому ему болит шея. Когда он не пил, в нём ещё можно было разглядеть что-то человеческое, но, увидев пустой стол, он тут же взбесился.

Гнев его, разумеется, обрушился на Мяо Ина. Он с ходу начал орать, обвиняя его в неуважении к старшим и припоминая старые обиды.

Мяо Ин мог быть мягким и приветливым с бабушкой и Ли Хунъин, но для запойного Хо Сана у него не было ни капли терпения:

— Поменьше пей лошадиную мочу и люди начнут смотреть на тебя иначе.

Лицо Хо Сана мгновенно перекопилось, он рванулся вперёд, собираясь ударить его. Бабушка встала между ними и строго посмотрела на сына:

— Ты за эти годы совсем скатился! Ещё и руку поднять собрался на мужа А-сина?

Хо Сан уставился на мать с недоверием:

— Да какой он ему муж! Эта дрянь ещё давно с каким-то любовником сбежала!

— Пока А-син его не выгнал, он всё ещё его муж, — мрачно сказала Ли Хунъин. — Ешь. А если не хочешь, то иди выпалывай сорняки на пшеничном поле!

Хо Сан смущённо буркнул что-то себе под нос и, увидев на столе лишь миску кислого супа, возмутился:

— И это, по-вашему, еда?!

Ли Хунъин холодно посмотрела на него:

— Все деньги ты пропил. С чего бы тут взяться хорошей еде?

Хо Сан, ругаясь и ворча, залпом выпил суп, швырнул миску и вышел из дома.

Когда он ушёл, у Мяо Ина вдруг закружилась голова. Хо Сяобао обнял его за ноги, и только так Мяо Ин сумел удержаться и не упасть.

Ли Хунъин посмотрела на него уже мягче:

— Выпей лекарство и иди приляг.

Мяо Ин кивнул. Тело его ещё не до конца восстановилось, и он, разумеется, не стал геройствовать.

В следующие несколько дней Хо Сан каждый вечер возвращался домой пьяный в стельку. Хо Сина не было, и поэтому он сначала устраивал в доме шум и скандалы, а потом валился спать. Ли Хунъин уже после этого затаскивала его обратно в комнату.

Днём делами в поле Ли Хунъин почти не занималась — всё равно ничего срочного там не было. Большую часть времени она проводила вместе с бабушкой, вышивая платки: почти за полдня у

них выходило по два, и спустя пять дней их набралось уже с десятков и даже больше платков.

В их мастерстве сомневаться не приходилось. Более того, Мяо Ин чувствовал, что его собственные рисунки были вовсе не такими уж выдающимися. Именно благодаря их умелым рукам платки получались живыми, словно одушевлёнными.

Лекарства Мяо Ин уже давно допил, за последнее время ему стало гораздо лучше: голова больше не кружилась по любому поводу, рана на голове тоже постепенно затягивалась. Вот только грязные волосы раздражали его до невозможности.

После настойчивых просьб, Ли Хунъин всё же согласилась помочь ему вымыть голову.

Но Мяо Ину можно было лишь слегка намочить кончики волос и кое-как промыть их мылом. Ли Хунъин аккуратно протёрла лекарством место раны: оно уже не выглядело кровавым месивом и медленно заживало.

После мытья головы, за неимением фена, оставалось полагаться только на солнце. Мяо Ин сидел во дворе, одной рукой вытирая волосы платком, а с другой стороны ему помогал Хо Сяобао. В эти дни Сяобао почти всё время был рядом с ним, и они стали заметно ближе. Сейчас мальчик выглядел как батрак, работающий на помещика: пыхтел изо всех сил и совсем не чувствовал усталости.

Когда Хо Син вошёл во двор, он увидел, как Мяо Ин улыбается Хо Сяобао. Влажные пряди волос лежали у него на плече, на тёмно-синей одежде расплывалось тёмное пятно, а лицо его казалось ещё худее, чем до отъезда.

В тот миг, когда Мяо Ин увидел Хо Сина, глаза его загорелись. Он опёрся на плечо Хо Сяобао, выпрямился и спросил:

— Ты уже вернулся?

Хо Син протянул ему свёрток с лекарствами:

— Вот твоё лекарство.

Мяо Ин поспешно взял его и улыбнулся. В это время подошли и Ли Хунъин с бабушкой. Они внимательно оглядели Хо Сина и заметили, что он тоже похудел, понимая, как тяжело приходится на работе. Тогда Ли Хунъин обернулась к Мяо Ину и сказала сварить курицу.

Глаза Мяо Ина засветились ещё ярче. Отложив лекарства, он тут же пошёл на кухню и достал из шкафа курицу, которую несколько дней назад разделили на части.

Шею и лапы они уже съели в первый день, поэтому Мяо Ин взял оставшуюся половину — по-другому готовить было нельзя, только тушить. Он рубил курицу и одновременно звал мать, прося сходить в огород и выдернуть пару редок.

Ли Хунъин откликнулась и вышла вместе с Хо Сяобао. Бабушка осталась вышивать платки. Хо Син пришёл без вещей и, когда во дворе все разошлись, тоже зашёл на кухню.

Мяо Ин уже поднял нож, собираясь рубить курицу, но Хо Син перехватил его за запястье:

— Давай я.

Мяо Ин тут же уступил. Сил в этом теле всё ещё не хватало, поэтому он сел у очага разжигать

огонь. Хо Син работал ножом быстро и уверенно, и вскоре курица была порублена.

Он уже собирался бросить куски в котёл, но Мяо Ин поспешно остановил его:

— Сначала обжарь, вытопи жир.

Курица была жирной, под кожей лежал толстый слой сала. По её виду должно было вытопиться немало куриного жира.

Курица зашипела на сковороде, раздался треск, и вскоре жир начал вытапливаться. Вынув куски, Мяо Ин осторожно собрал куриный жир в миску.

Только после этого он начал тушить курицу. Когда мясо снова отправилось в котёл, Мяо Ин положил туда и пару кусочков квашеных овощей. Очень скоро по кухне разлился аромат куриного бульона. К этому времени вернулась Ли Хунъин с вымытой редькой. Мяо Ин нарезал плод крупными кусками и добавил его в котёл. Затем он на только что вытопленном курином жире обжарил капусту, а Ли Хунъин тем временем на пару приготовила кукурузно-пшеничные пампушки.

Это был самый сытный и богатый обед за всё время, что Мяо Ин жил здесь.

За столом Ли Хунъин спросила Хо Сина, не собирается ли он снова уезжать. Тот ответил, что заехал лишь передать лекарства, а завтра снова должен идти на работу.

Мяо Ин посмотрел на него:

— Тогда завтра ты сможешь взять нас с собой в уездный город? Мама с бабушкой сделали много платков, я хочу попробовать продать их там.

Хо Син кивнул:

— Можно.

<http://bllate.org/book/16099/1500097>